

АЛИНА РИНАТОВНА ГАЛИМУЛЛИНА

старший преподаватель кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Института языка и литературы

Удмуртский государственный университет (Ижевск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-3671-2416; alina.galimullina.rus@gmail.com

ОРГАНИЗАЦИЯ СУБЪЕКТНОЙ СФЕРЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ И. БРОДСКОГО С ИНФИНИТИВНОЙ ДОМИНАНТОЙ (на примере фрагментов поэмы «Шествие»)

А н н о т а ц и я . Исследуется организация субъектной сферы и способов выражения категории лица в поэтическом тексте с инфинитивной доминантой. Анализ проведен на материале двух фрагментов поэмы «Шествие» (1961) Иосифа Бродского, в которых представлены ряды независимых и зависимых инфинитивов, определяющие критерии взаимодействия двух видов субъекта – субъекта диктума и субъекта модуса. В результате исследования посредством функционально-грамматического, семантического и контекстуального анализа были найдены сферы разных типов субъектов, определены лексические и грамматические способы их выражения и выявлены такие специфические черты организации субъектной сферы в поэтическом тексте с конструкциями с инфинитивами, как метасубъектность, субъективная эгоцентричность и автокоммуникация. Изучение данного языкового материала требует учитывать не только семантико-грамматический аспект, но и ситуативный контекст. Этим обусловлена сложность определения категории персональности в инфинитивной поэзии XX века.
К л ю ч е в ы е с л о в а : категория персональности, субъект, субъектная сфера, инфинитив, инфинитивная поэзия
Д л я ц и т и р о в а н и я : Галимуллина А. Р. Организация субъектной сферы в поэтическом тексте И. Бродского с инфинитивной доминантой (на примере фрагментов поэмы «Шествие») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 34–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.904

ВВЕДЕНИЕ

В истории русской поэзии форма лирического субъекта меняла свои очертания: автобиографичное Я трансформировалось в воображаемое Я, происходило исчезновение (мнимое) лица и / или замена конкретного субъекта плюрализмом голосов [25]. Несомненно, это привлекало внимание многих исследователей, в работах которых рассматривается проблема неоднозначности, неопределенности поэтического субъекта и типологии действующих лиц в лирике [5], [14], [20], [21], [22]. Сформировалось понятие *метасубъектность*, которое проявляется в разных трансформациях привычных нам типов субъектов в тексте: в его исчезновении, раздвоении субъекта, его мнимом отсутствии и др. Данное явление определяет специфику категории персональности в художественном тексте и приводит к «активации лишенных морфологических показателей предикативности инфинитивных и номинативных предложений» [24]. Образуется связь между сферой объективной реальности и сферой лица с его отношением к этой реальности, поэтому становится возможным и инте-

ресным определить присутствие мыслящего-чувствующего-действующего лица, даже если действие / состояние этого лица представлено в форме инфинитива. Инфинитив способен к независимому употреблению и замещению личных форм глагола [7], образованию характерной для предиката синтаксической связи¹ и приобретению определенной модальной характеристики действия любого лица во всех временных планах² [4], [6], [10] и др. При этом позиция субъекта инфинитива является открытой для главного деятеля и может определять отношение к лицу в лексико-грамматических связях исследуемой единицы в определенном контексте.

Цель данной работы – определить способы выражения разной степени присутствия действующего лица и показать специфику организации субъектной сферы в поэтическом тексте с инфинитивной доминантой³ (тексте, в котором инфинитив частотен и является центральным композиционно-смысловым элементом), заключающейся в трех элементах – элементах автокоммуникации, метасубъектности и субъективной эгоцентричности. Для реализации данной

цели была произведена выборка фрагментов поэмы «Шествие» И. Бродского, в которых представлены ряды зависимых и независимых инфинитивов, и их функционально-грамматический и семантический анализ.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ. СУБЪЕКТ

При определении категории персональности необходимо раскрыть понятие «субъект» как формирующий ее элемент. С точки зрения грамматико-семантической нагрузки субъект – это «синтаксически независимый субстанциальный компонент субъектно-предикатной структуры, обозначающий носителя предикативного признака» [10: 133]. В отличие от узкого формального понимания субъекта предложения как подлежащего [23], «в рамках семантико-синтаксических исследований субъект имеет две формы: субъект сообщаемого факта (субъект диктума) и субъект факта сообщения (субъект модуса)» [11: 75]. Субъект действия, обозначающего конкретный сообщаемый факт (диктум), может быть одним из активных участников описываемого в высказывании действия (действующее Я или не-Я) или единственным актантом, может обозначать носителя определенного состояния или неодушевленный предмет. Субъект модуса – это психологический субъект, Я-говорящее и / или Я слушающее, которые дают оценку всему происходящему. В рамках объективной действительности субъект модуса становится ядром второго плана – «структурно-семантического плана, указывающего на “автора” восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия» [12: 263].

Совокупность всех форм субъектов или субъектных сфер формирует одну из базовых категорий лирической поэзии – категорию лица [8: 194–196], [13]. На уровне морфологии она выражена в основном глагольными и местоименными формами 1, 2 и 3-го лица. Местоимения как указатели актантов и их языкового пространства формируют сферу говорящего «Я», слушающего «Ты» и сферу окружения – 3-го лица (синтаксического лица, выраженного именами существительными). Личные местоимения, являясь опорной точкой для выражения субъективности в тексте, в свою очередь, обуславливают употребление остальных разрядов местоимений, обладающих соответствующей функцией, а также прилагательных, наречий и др. [2: 274].

На периферии персональности, по мнению А. В. Бондарко [3: 5], наиболее продуктивными следует считать лексические и синтаксические

средства. На лексическом уровне обнаружить искомым субъект действия / состояния помогает семантика предикатов, которые и указывают на действующее / чувствующее (реагирующее) лицо. Сюда можно отнести модальные предикаты (со значением возможности «мочь», «можно», «уметь» и др.), предикаты с эмоционально-оценочным значением («любить», «бояться», «тоска», «хорошо», «странно» и др.), предикаты восприятия («видеть», «слышать» и др.), предикаты речи («сказать», «обещать» и др.), ментальные предикаты («думать», «помнить» и др.). Синтаксический уровень расширяет круг возможностей выражения субъекта: включаются вторичные значения личных форм, появляются второстепенные члены предложения, указывающие на связь с лицом (в таком случае семантический и грамматический субъекты не совпадают), происходит обобщение или появляется инклюзив, иногда встречается опущение субъекта (ситуация «синтаксического нуля» [16]), что приводит к возникновению ситуации неопределенности лица. При этом, если действие в поэтическом тексте выражено посредством независимых инфинитивов, граница между первым лицом говорящего и первым лицом читающего истончается, и чем ближе читатель к «Я говорящему», тем больше «незамещенных позиций» или «значимого отсутствия» субъекта действия / состояния [1], [17], [18]. Это приводит к тому, что как незаполненная синтаксическая позиция субъекта, относящаяся к сфере модуса, так и позиция субъекта в форме 3-го лица тяготеет к сфере Я говорящего. Такое явление называется «эгоцентрическая грамматическая техника» [19], что доказывает наличие *субъективной эгоцентричности* в подобных текстах. Следовательно, при описании категории персональности в поэтическом тексте мы можем говорить о наличии субъектов, представляющих собой говорящего Я (субъект модуса, сфера Я) и слушающего и / или присутствующего не-Я (субъект диктума, сфера не-Я). Взаимодействие этих субъектных сфер образует «субъективное пространство текста, а модель субъектной перспективы позволяет увидеть грамматику точки зрения» [18].

СУБЪЕКТНЫЕ СФЕРЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Современную поэзию отличает разнообразие форм организации субъектных сфер, требующее привлечения функционального подхода, который «в некоторых случаях комбинирует лингвопрагматические теории или коммуникативные и рецептивные модели» [25: 21]. Он позволяет «извлечь субъективность как матрицу текста из его

формы (как центр восприятия / перспективации и продуктивную эстетическую форму)» [25: 21]. В поэтическом тексте происходит синтез различных типов лирического субъекта – формируется «лирическая метасубъектность» [25: 24].

Ю. И. Левин [15] выявляет следующие способы проявления субъекта в поэтическом тексте – наличие *эксплицитного Я* и *эксплицитного ты* (в образе неодушевленного предмета, человека или человечества в целом, абстракции), взаимодействие которых может усложняться, когда наличие «автокоммуникации», понимаемой Ю. И. Левиным как трансформация самим читателем «Я говорящего» в «Я читающего» и осуществление коммуникативного акта-размышления с самим собой не с позиции поэта, а с позиции читателя; *повышенная внутритекстовая коммуникативность* – включение в диалог 1-го лица или обобщенного «мы», или 2-го лица неодушевленных предметов.

В отличие от прозаического текста в поэтическом пространстве персональности парадоксально соединяются интимно-личная сфера Я и общая (объективная) не-Я: личное отношение к происходящему выражается как общее, но оно не просто описывает действительность, а наделяет момент субъективным смыслом, отражая отношение действующего лица к самой действительности, что говорит о связи категории персональности с категорией модальности. Кроме этого для построения субъектного пространства в поэтическом тексте важно понятие «точка отсчета» – это позиция лирического героя, центр притяжения всех предикативных категорий, формирующий «внешнюю» (по отношению к говорящему) сферу не-Я (сферу второго «слушающего» и третьего «присутствующего» лиц) через призму первого лица – сферу Я. «Все они (предикативные категории. – А. Р.) находятся в зависимости от Я, высказывающегося в данном акте» [2: 261].

В некоторых случаях граница между сферой Я и не-Я абсолютно стирается, лицо становится неопределенным, но, с другой стороны, происходит максимальная субъективизация категории персональности – устанавливается связь, которая способствует «возможности самоотожествления читателя с автором (или “лирическим героем”)» [2: 263]. Такая ситуация, характерная только для поэтических текстов, обязывает при определении категории лица учитывать не только семантико-грамматический аспект, но и ситуативный контекст.

Таким образом, определить границы субъектных сфер в художественном тексте становится сложнее, чем в нехудожественном, так как в поэтическом пространстве субъект многолик и не-

однозначен. Когда в тексте вербально выражены актанты посредством личных местоимений, образ говорящего и слушающего может выходить за рамки лексико-грамматического значения местоимений. Простое местоимение 1-го лица, обозначающее «Я», в поэтическом тексте не эквивалентно «Я» в обычном коммуникативном акте. Здесь происходит соприкосновение двух сфер: «Я» лирического героя и «Я» читателя, а значит, и всего происходящего вокруг этого 1-го лица и его отношения к действительности.

ОРГАНИЗАЦИЯ СУБЪЕКТНОЙ СФЕРЫ В ПОЭМЕ «ШЕСТВИЕ» И. БРОДСКОГО

Поэма-мистерия И. Бродского «Шествие» – это один из примеров поэтического текста с инфинитивной доминантой, где в 156 случаях действие субъекта выражено посредством инфинитива (86 свободных и 70 зависимых). Они образуют цепочки – 39 инфинитивных рядов / серий, которые связаны общими действующими лицами.

В поэме, состоящей из 42 глав-сцен в форме романсов-монологов, представлены двадцать условных персонажей. При этом возникает ситуация, определяемая Ю. И. Левиным как *автокоммуникация*: сфера Я – это безымянный главный герой, представленный через личное местоимение 1-го лица, перед которым возникает образ фантастического шествия двадцати персонажей и их размышлений о смысле жизни. Все герои – это либо скитальцы, либо люди искусства, но они свободны от всех условностей мира [26].

Рассмотрим, как организована субъектная сфера в данной поэме. В комментарии 13 проанализируем следующий фрагмент⁴:

*«Горюй, горюй, попробуем сбверечь
всех персонажей сбвивчивую речь,
что легче, чем сулить и обещать,
чем автора с героями смешать,
чем вздрагивая, хмыкая, сопя
в других искать и находить себя.
Горюй, горюй. Сквозь наши времена
плывут и проползают имена
других людей, которых нам не знать,
которым суждено нас обогнать,
хотя бы потому, что и для нас
трудней любить все больше каждый раз».*

В данном фрагменте представлены две субъектные сферы – сфера Я и общая (объективная) сфера не-Я. Сфера Я – это Мы инклюзивное, которое включает в себя Я говорящее (*попробуем, себя, наши, нам, нас*) и Ты слушающее (Ты читателя). Интересно, что здесь представлена не чистая монологическая речь, присутствуют элементы диалогизации речи. Ты читателя не подразумевается, а прямо присутствует

в тексте поэмы. Мы видим, как автор вступает в диалог как с самим собой (элемент автокоммуникации), так и со своим «собеседником»: «Горюй, горюй [Ты / Я], [мы с тобой] *попробуем сберечь...*». Сфера говорящего субъекта формируется посредством употребления личных форм глагола, местоимений, компаративов *легче, трудней* и причастного предикатива *суждено*. Все они указывают на присутствие чувствующего лица (*что* [мне / нам / всем] *легче*) при независимых инфинитивах *сулить, обещать, смешать, искать, находить*. Интересно, что при употреблении формы повелительного наклонения глагола *горевать*, обращенного ко 2-му лицу, Мы инклюзивное как бы исключает слушающее Ты из своего круга и сужает его действие до беспомощного *горюй*. Сфера 3-го синтаксического лица представлена через характерную лексику: *речь всех персонажей, автор с героями, другие, имена других людей, которым*. При этом говорящее Я отделяет себя и от Я автора, и от Я персонажа, находясь как бы над повествованием (*что легче, чем сулить и обещать, чем автора с героями смешать*). В такой «прозрачности» предикативной категории проявляется явление мета-субъектности.

Дативный субъект при автономных инфинитивах по причине их смысловой и синтаксической зависимости опущен, но легко определяется и является многозначным даже в случае употребления свободных инфинитивов: *что* [мне / нам / всем] *легче, чем* [мне / нам / всем] *автора с героями смешать; которых нам не знать, которым суждено нас обогнать*, так как рядом всегда есть указатель на лицо. В строке *в других искать и находить себя* представлен поразительный пример рефлексии в организации субъектной сферы поэтического текста, где в возвратном местоимении *себя* соединяются все типы субъектов, включая авторское Я.

В комментарии 26 поэмы есть следующий фрагмент⁵:

«Средь шумных расставаний городских,
гудков авто и гулов заводских,
и теплых магазинных площадей
опять **встречать** потерянных людей,
в какое-то мгновение **вспоминать**
и **всплескивать** руками, **догонять**,
едва ли не попав под колесо,
да, **догонять**, **заглядывать** в лицо,
и **узнавать**, и тут же **целовать**,
от радости на месте **танцевать**
и **говорить** о переменах дел,
“да-да, я замечаю, похудел”,
“да-да, пора **заглядывать** к врачу”,
и дружелюбно **хлопать** по плечу,
и, вдруг заметив время на часах
и телефон с ошибкой записав,

опять **переминаясь** и **спешить**,
приятеля в объятьях придушить
и **торопиться** за трамваем след,
теряя человека на пять лет.
Так обойдется время и со мной.
Мы встретимся однажды на Сенной
и, пары предложений не сказав,
раздвинув рты и зубы показав,
расстанемся опять – не навсегда ль?
– и по Садовой зашагает вдаль
мой грозный век, а я, как и всегда,
через канал, неведомо куда».

В первой части до слова *так* позиция субъекта ряда независимых инфинитивов *встречать, вспоминать, всплескивать, догонять, заглядывать* (восьмая строка фрагмента), *узнавать, целовать, танцевать, говорить, хлопать, переминаясь, спешить, придушить, торопиться* остается незаполненной – это явление определяется как синтаксический нуль. Субъект в данном случае может быть «додуман» либо как 1-е лицо Я или Мы, либо как обобщенное лицо (*опять* [мне / нам / всем нам] *встречать потерянных людей // в какое-то мгновенье* [мне / нам / всем нам] *вспоминать // и* [мне / нам / всем нам] *всплескивать руками*, [мне / нам / всем нам] *догонять*). Сфера Я определяется через противопоставление сфере 3-го синтаксического лица (*потерянные люди, лицо, приятель, человек*), речь, указывающую на присутствие говорящего (личное местоимение Я) и слушающего (*да-да, я замечаю, похудел*); полный контекст – следующий фрагмент, где действующий субъект проявляет себя лексически (*Так обойдется время и со мной*). Сфера не-Я создается через ее чувственное восприятие сферой Я (прилагательные *шумный, теплый*, существительные *гудки и гулы*) и «телесный» образ, созданный посредством употребления существительных *руками, лицо, по плечу, в объятьях*. Сфера субъекта Я при цепочке независимых инфинитивов доминирует, становится определяющей других действующих лиц, что указывает на характерный для инфинитивной поэзии элемент субъективной эгоцентричности.

Для изучения полной картины субъектной сферы в данном фрагменте обратимся к его второй части (после слова *так*), несмотря на отсутствие в ней инфинитивов. Мы видим два субъекта – 1-е лицо (*я, со мной*) и 3-е синтаксическое лицо (*время, грозный век*). Причем это именно лица, так как время со ртом и зубами и грозный шагающий век не уступают в человекоподобии говорящему Я.

Таким образом, в данном фрагменте представлены три субъектные сферы: Я говорящее / чувствующее, Они в виде проходящих приятелей и Время, которое нельзя отнести ни к сфере Я,

ни к сфере не-Я. Отношение между Я и «потерянными людьми» дружелюбное, но мимолетное, недолговременное, а отношение Я и Времени – иное. Сфера субъекта Время доминирует над сферами остальных субъектов (*Так обойдет-ся время и со мной; по Садовой зашагает вдаль // мой грозный век...*), находясь как бы вне происходящего и лишь на мгновение соприкасаясь со сферой Я при употреблении личного местоимения *мы* (*Мы встретимся однажды на Сенной // и, пары предложений не сказав, // раздвинув рты и зубы показав, // расстанемся опять...*).

Возникает вопрос о быстротечности и конечности жизни, жизни после смерти и ухода от существующего бытия, характерный для инфинитивной поэзии И. Бродского. Поэма «Шествие» строится исключительно на данном мотиве – «быть / не быть, с выводом в пользу небытия, и весь свой инфинитивный потенциал черпает именно отсюда» [9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сфера Я в поэме «Шествие» обретает многогранную форму: выступает и в образе создателя произведения, и проводника, через взгляд которого можно обозревать и чувствовать реальность и других субъектов (явление субъективной эгоцентричности), и независимого от внешних событий комментатора происходящего, а иногда в образе конкретного персонажа-скитальца. При этом сфера не-Я может проявлять себя не только через указатели в виде второстепенных членов предложения, но и через реакции Я-чувствующего на окружающую действительность. Все это создает полифункциональное

субъектное пространство, характерное для поэзии XX века. Таким образом, в пространстве поэтического текста определение категории лица не ограничивается набором грамматических форм, требуя широкого контекста, особенно если действие-состояние субъекта представлено в виде инфинитива. В таком случае «скользящий» и «распыляющийся», «фиктивный» и «самосоздающий», «виртуальный» и «плавающий» [24: 37] субъект современной поэзии становится почти неуловимым, что говорит о наличии в поэтическом инфинитивном тексте элемента метасубъектности. Создается образ «мерцающего» лица, находящегося между двумя полярными позициями – отрицанием субъекта и его утверждением. Более того, возникает ситуация (например, при «синтаксическом нуле»), когда сфера Я героя и Я читателя сближается и последний становится участником происходящего в поэтическом тексте (повышенная внутренняя коммуникативность – явление автокоммуникации). «Идентифицируя себя как единственное лицо, произносящее я, каждый из говорящих поочередно становится субъектом», в результате чего совершается «коммуникация на межсубъектном уровне» [2: 288]. Такая организация субъектной сферы в поэтических текстах с инфинитивной доминантой, где проявляются элементы автокоммуникации, метасубъектности и субъективной эгоцентричности, позволяет очертить новые грани категории личности, локализовать субъект в нескольких плоскостях с необходимой поэту степенью конкретности, неопределенности, обобщенности, инклюзивности или полного (мнимого) отсутствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Маслов Ю. С. Введение в языкознание: Учебник для филол. спец. вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1987. С. 163–164.
- ² Бойко А. А. Употребление видов глагола в форме инфинитива в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982. 405 с.
- ³ Понятия «доминантные речевые средства текста», «текстовая доминанта» используют целый ряд исследователей: Р. О. Якобсон [27], В. А. Новиков [17], Г. А. Золотова [10]. Р. О. Якобсон определяет доминанту как фокусирующий компонент художественного произведения, который специфицирует его [27: 59]. В данной работе мы будем придерживаться терминологии Г. А. Золотовой «доминанта» (рематическая доминанта текста / композиционно-смысловая доминанта), так как нас интересует поэтическая грамматика («грамматика поэзии») инфинитива в исконном, лингвистическом смысле [10: 318].
- ⁴ Бродский И. А. Стихотворения и поэмы. М.: Слово / Slovo, 2001. 718 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://knijky.ru/books/stihotvoreniya-i-poemy> (дата обращения 05.05.2021).
- ⁵ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамец П. Семантическая интерпретация «значимых нулей» в русских предложениях // Язык и стих в России: Сб. в честь Дина С. Вортак к его 65-летию. М.: Восточная литература РАН, 1995. С. 9–18.
2. Бенвенист Э. Глава XX. Структура отношений лица в глаголе // Бенвенист Э. Общая лингвистика: Монография. М.: Прогресс, 1974. С. 259–284.
3. Бондарко А. В. Семантика лица // Бондарко А. В., Булыгина Т. В., Вахтин Н. Б. и др. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость: Монография. СПб.: Наука. Санкт-Петербургское отделение, 1991. С. 5–40.

4. Брицын В. М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. Киев: Наукова думка, 1990. 320 с.
5. Бройтман С. Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. Субъектно-образная структура. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1997. 306 с.
6. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. М.: Просвещение, 1976. 207 с.
7. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
8. Гин Я. И. О поэтике грамматических категорий. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 285 с.
9. Жолковский А. К. Русская инфинитивная поэзия XVIII–XX веков: Антология. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 560 с.
10. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
11. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка: Монография. М.: Наука, 2004. 544 с.
12. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.
13. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 208 с.
14. Корман Б. О. Чужое сознание в лирике и проблема субъектной организации реалистического произведения // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1973. Т. XXXII, № 3. С. 209–222.
15. Левин Ю. И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю. И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М.: Шк. «Языки русской культуры»: Кошелев, 1998. С. 464–482.
16. Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог: Сб. ст. / Отв. ред. А. А. Холодович. Л.: Наука, 1974. С. 343–360.
17. Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
18. Онипенко Н. К. Категория субъекта и эгоцентрическая грамматическая техника в художественном тексте // Gramatyka a tekst: Сб. ст. Катовицы: WWKatowice, 2011. С. 64–79.
19. Онипенко Н. К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 92–121.
20. Патроева Н. В. Функции и семантика личных местоимений в лирике Е. А. Баратынского // Русская словесность. 1998. № 6. С. 6–10.
21. Перцов Н. В. О неоднозначности в поэтическом языке // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 55–82.
22. Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сб. ст., посвящ. юбилею Г. А. Золотовой. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 418–433.
23. Романова И. В. «Я попытаюсь вас увлечь игрой»: взаимодействие коммуникативных моделей в поэме-мистерии И. Бродского «Шествие» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2010. Т. 14, № 2. С. 99–106.
24. Сидорова М. Ю., Липгарт А. А. Грамматика современной русской поэзии: субъектная перспектива, предикативные категории, модусные рамки (часть 1) // Филология и человек [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journal.asu.ru/pm/article/view/4663> (дата обращения 17.07.2021).
25. Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика // Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien / Под ред. Хенрике Шталь; Сост. Е. А. Евграфкина. Берлин: Peter Lang, 2018. 448 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.peterlang.com/document/1110741> (дата обращения 20.09.2021).
26. Фетисова Е. Э. Неоакмеизм И. Бродского: композиция мистерии «Шествие» // Философская мысль. 2017. Т. 55, № 2. С. 109–117 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21763 (дата обращения 05.05.2021).
27. Якобсон Р. О. Доминанта // Хрестоматия по теоретическому литературоведению: В 5 т. / Под ред. З. Г. Минц; Сост. И. А. Чернов. Т. 1. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1976. С. 56–63.

Поступила в редакцию 20.12.2022; принята к публикации 31.03.2023

Original article

Alina R. Galimullina, Senior Lecturer, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-3671-2416; alina.galimullina.rus@gmail.com

**ORGANIZATION OF SUBJECT SPHERE IN THE POETIC TEXT
OF JOSEPH BRODSKY WITH INFINITIVE DOMINANT
(illustrated by the poem “Shestvie” (The Procession))**

Abstract. This paper is focused on studying the organization of subject sphere and determining the features of expression of the category of person in the poetic text with infinitive dominant. The research is based on the material of two fragments of the poem “Shestvie” (The Procession, 1961) by Joseph Brodsky, which present a series of independent and dependent infinitives that determine the criteria for the interaction of two types of subject – the subject of dictum and the subject of modus. Functional grammatical, semantic and contextual analysis resulted in identifying the

spheres of the different types of subjects, lexical and grammatical methods of their expression, and specific features of the subject sphere organization in the poetic text with infinitive constructions, such as meta-subjectivity, subjective egocentricity and autocommunication. The research of this language material should, therefore, take into account not only semantic and grammatical aspect, but also situational (pragmatic) context. This explains, according to the author, the complexity of identifying the category of person in infinitive poetry of the XX century.

Key words: category of person, subject, subjective sphere, infinitive, infinitive poetry

For citation: Galimullina, A. R. Organization of subject sphere in the poetic text of Joseph Brodsky with infinitive dominant (illustrated by the poem “Shestvie” (The Procession)). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(4):34–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.904

REFERENCES

1. Adamets, P. Semantic interpretation of “significant zeros” in the Russian sentences. *Language and verse in Russia: Collection of articles*. Moscow, 1995. P. 9–18. (In Russ.)
2. Benveniste, E. The structure of relevance of the category of person to verb. *Benveniste E. General linguistics: A Monograph*. Moscow, 1974. P. 259–284. (In Russ.)
3. Bondarko, A. V. Semantics or person. *Bondarko, A. V. Theory of functional grammar. The category of person. The category of voice*. St. Petersburg, 1991. P. 5–40. (In Russ.)
4. Britsyn, V. M. Syntax and semantics of infinitive in modern Russian language. Kiev, 1990. 320 p. (In Russ.)
5. Broitman, S. N. Russian lyric poetry of the XIX – early XX centuries in the light of historical poetics. Subject-image structure. Moscow, 1997. 306 p. (In Russ.)
6. Bulanin, L. L. Difficult morphology issues. Moscow, 1976. 207 p. (In Russ.)
7. Vinogradov, V. V. Russian language (Grammatical doctrine about word). Moscow, 1947. 784 p. (In Russ.)
8. Gin, Ya. I. About the poetics of grammatical categories. Petrozavodsk, 2006. 285 p. (In Russ.)
9. Zholkovsky, A. K. Russian infinitive poetry of the XVIII–XX centuries. Moscow, 2020. 560 p. (In Russ.)
10. Zolotova, G. A. Communicative aspects of Russian syntax. Moscow, 1982. 368 p. (In Russ.)
11. Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M. Yu. Communicative grammar of the Russian language. Moscow, 2004. 544 p. (In Russ.)
12. Zolotova, G. A. Essay on the functional syntax of the Russian language. Moscow, 1973. 352 p. (In Russ.)
13. Kovtunova, I. I. Poetic syntax. Moscow, 1986. 208 p. (In Russ.)
14. Korman, B. O. The mind of another person in lyrics and the problem of subject organization of realistic work. *Izvestia of the USSR Academy of Sciences. Series: Literature and Language*. 1973;32(3):209–222. (In Russ.)
15. Levin, Yu. I. Lyric poetry from the communicative perspective. *Levin, Yu. I. Selected works: Poetics. Semiotics*. Moscow, 1998. P. 464–482. (In Russ.)
16. Mel'chuk, I. A. About syntax zero. *Typology of the passive structures. Diatheses and voices: Collection of articles*. (A. A. Kholodovich, Ed.). Leningrad, 1974. P. 343–360. (In Russ.)
17. Novikov, L. A. Artistic text and its analysis. Moscow, 2003. 304 p. (In Russ.)
18. Onipenko, N. K. Category of subject and egocentric grammatical techniques in literary text. *Grammar and text: Collection of articles*. Katowice, 2011. P. 64–79. (In Russ.)
19. Onipenko, N. K. Subject perspective model and a problem of classification of the egocentric features. *Problems of functional grammar: Principle of natural classification*. Moscow, 2013. P. 92–121. (In Russ.)
20. Patroeva, N. V. Functions and semantics of personal pronouns in the lyric poetry by E. A. Baratynsky. *Russian Literature*. 1998;6:6–10. (In Russ.)
21. Perctsov, N. V. On ambiguity in poetic language. *Topics in the Study of Language*. 2000;3:55–82. (In Russ.)
22. Revzina, O. G. Riddles of poetic text. *Communication and semantic parameters of grammar and text: Collection of articles commemorating the anniversary of G. A. Zolotova*. Moscow, 2002. P. 418–433. (In Russ.)
23. Romanova, I. V. “I will try to entice you with one game”: the interaction of the communicative models in the poem-mystery by Josef Brodsky “Procession”. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2010;14(2):99–106. (In Russ.)
24. Sidorova, M. Yu., Lipgart, A. A. Grammar of modern Russian poetry: subject perspective, predicative categories, frames of modus (part 1). *Philology and Human*. Available at: <http://journal.asu.ru/pm/article/view/4663> (accessed 17.07.2021). (In Russ.)
25. Subject in modern Russian-language poetry – theory and practice. (H. Stahl, Ed.; E. A. Evgrashkina, Comp.). Berlin, 2018. 448 p. Available at: <https://www.peterlang.com/document/1110741> (accessed 20.09.2021). (In Russ.)
26. Fetisova, E. E. Neoacmeism of Josef Brodsky: composition of the mystery “Procession”. *Philosophical Thought*. 2017;55(2):109–117. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21763 (accessed 05.05.2021). (In Russ.)
27. Jakobson, R. O. Dominant. *Anthology on theoretical literary studies: In 5 vols*. Vol. 1. (Z. G. Mints, Ed., I. A. Chernov, Comp.). Tartu, 1976. P. 56–63. (In Russ.)

Received: 20 December 2022; accepted: 31 March 2023